

Александр
Шевцов

ТЕОРИИ ВНИМАНИЯ

Александр Александрович Шевцов

Теории внимания

Серия «Прикладная культурно-историческая психология»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42562699
Теории внимания – А. Шевцов: Роща; Иваново; 2019
ISBN 978-5-902599-72-2

Аннотация

«...Внимание, безусловно, чрезвычайно важно. Без него невозможно ни самопознание, ни раскрытие способностей, ни такие древние искусства, как йога, к примеру, или тантра. Без внимания просто не достичь успехов в жизни. Точнее, без умения им управлять... ..В сущности, овладение вниманием кажется мне необходимой ступенью в познании себя и раскрытии собственных способностей. Вот исходя из этой задачи, я и намерен строить работу по овладению им... ..Теории внимания так или иначе творят описание изучаемого явления. Таким образом, задача этой книги – создать с помощью всех доступных мне средств исходное описание внимания, которое позволило бы начать полноценное изучение этого явления и выход на прикладную психологию внимания...»

Содержание

Введение	5
Часть первая. Самое общее понятие о внимании	8
Глава 1. Что такое внимание?	10
Глава 2. Внимание в языке	16
Глава 3. Немного о познании и созерцании	22
Глава 4. Описание	31
Глава 5. Внимчивость	37
Глава 6. Продолжая описание	42
Глава 7. Забота со вниманием	47
Глава 8. Сосредоточение мыслей	53
Глава 9. Сосредоточение на мысли	63
Глава 10. Принять во внимание	71
Глава 11. Уделить внимание	80
Глава 12. Направить внимание	87
Конец ознакомительного фрагмента.	90

А. Шевцов

Теории внимания

© Шевцов А.А., 2013-2019

© Издательство «Роща», 2013-2019

Введение

Внимание, безусловно, чрезвычайно важно. Без него невозможно ни самопознание, ни раскрытие способностей, ни такие древние искусства, как йога, к примеру, или тантра. Без внимания просто не достичь успехов в жизни. Точнее, без умения им управлять. Но я не знаю, что такое внимание!

Я даже не знаю, является ли внимание способностью... Или, быть может, это некое свойство? А я могу обладать способностью, управлять этим свойством? Но тогда свойством чего является внимание? Не свойством меня же!

В мире существует множество работ, посвященных вниманию. О нем писали люди, которых можно назвать практиками. Например, Станиславский и Чехов учили актеров, как овладеть вниманием, чтобы играть на сцене. Знаменитый адвокат Кони писал о том, как важно понимать, хорошо ли владеет человек вниманием, чтобы выносить суждение о качестве его свидетельских показаний.

Но никто из них не дает определение того, о чем пишет! Для них это либо слишком сложно, либо не нужно! А внимание – это нечто, что само собой разумеется и понимается!

Психологи же, наоборот, очень много раз пытались определить внимание. Причем, их понимание внимания претерпело несколько качественных скачков. И начинались обоснования каждого нового скачка с признания, что предыду-

щее понимание внимания неудовлетворительно... Завершилось этот тем, что в рамках самой современной и повсеместной школы психологии – когнитивной психологии – ученые совсем отказались от теоретических разработок внимания.

Тем не менее я надеюсь, что ответ где-то есть, и намерен сначала поднять все доступные подсказки о том, что такое внимание, а затем выйти на прикладную работу с ним.

В сущности, овладение вниманием кажется мне необходимой ступенью в познании себя и раскрытии собственных способностей. Вот исходя из этой задачи, я и намерен строить работу по овладению им.

Книга называется «Теории внимания» не в том смысле, что я собираюсь создать некую теорию, а в том, что в ней как в своего рода введении в предмет я прорабатываю все доступные мне теории внимания. «Теория» в переводе с греческого означает созерцание. Действительная теория – это описание того, что ты созерцаешь, что увидел и сумел рассмотреть.

Теории внимания так или иначе творят описание изучаемого явления. Таким образом, задача этой книги – создать с помощью всех доступных мне средств исходное описание внимания, которое позволило бы начать полноценное изучение этого явления и выход на прикладную психологию внимания.

В той части, где я делаю выводы и пытаюсь сказать что-

то свое, я опираюсь на опыт и знания, приобретенные мною во время этнографических экспедиций по владимирскому Верхневолжью, совершенных в 1985–1991 годах. Люди, у которых мне довелось учиться, были потомками офеней и называли себя масыгами или мазыками. Поскольку я много рассказывал о них в других книгах, здесь я ссылаюсь на них без дополнительных объяснений.

Часть первая. Самое общее понятие о внимании

Предчувствую, что внимание очень важно в том деле, которым я хочу заниматься. Можно сказать, что я это знаю. Но я не знаю, что такое внимание. И мне непонятно, как я вообще понимаю, что то, что я считаю вниманием, действительно внимание! Как мне удастся определиться с тем, о чем идет речь?

У меня, определенно, есть понятие о внимании. Мой жизненный опыт как-то соотнес слово «внимание» с тем, что происходило во мне, и я понял, что «внимание» – это имя для определенных ощущений и действий. Но это значит, что я понял, что и народ считает вниманием именно эти действия и ощущения. И предполагаю, что у меня единое понятие внимания с моим народом. Иначе говоря, я считаю вниманием то, что им считает русский язык.

Любопытно, совпадет ли то, что считает вниманием русский язык, с мнением наших лингвистов? Поэтому я начну со словарей русского языка.

Предполагаю, что глубина их понимания внимания недостаточна. Поэтому мне с неизбежностью придется обратиться за более глубоким понятием к тем наукам, которые занимались вниманием. Любопытно, кто, кроме психологов, мог

им заниматься?

Глава 1. Что такое внимание?

При первом взгляде на это слово кажется, что оно чрезвычайно просто и понятно. Поэтому определения наших толковых словарей предельно кратки и не дают повода для сомнений. Так, Ожегов в первых изданиях своего словаря определяет внимание всего в нескольких словах:

«Внимание – сосредоточенность восприятия, мысли на чем-нибудь» (Ожегов, 1952).

Внимание как внимательность, то есть заботливое отношение, я не рассматриваю.

В издании 2006 года (в соавторстве со Шведовой), определение несколько меняется:

«Внимание. Сосредоточенность мыслей или зрения, слуха на чем-нибудь».

Вероятно, составителям словаря показалось, что так определение станет еще проще, но мое понятие о внимании подзревает в этом случае безграмотность: внимание, безусловно, управляет и зрением и слухом, но никак не есть их качество. Более того, я как-то даже не представляю себе, как можно сосредоточивать слух или зрение!

Как ни странно, но словарь под редакцией Евгеньевой повторяет эту бессмыслицу, если только не является ее источником:

«Внимание. Сосредоточение мысли или зрения, слуха на

каком-либо объекте, направленность мысли на что-либо».

Как ни странно, но и первая часть определения – сосредоточение мысли, вызывает большие сомнения. И не в том смысле, что внимание – это вовсе не действия с мыслями. Это возражение по существу. А я пока возражаю с точки зрения языковой грамотности: как-то я не уверен в том, что русский язык знает о возможности «сосредоточивать мысль» на чем-то. В русском языке описаны возможности прислушиваться, приглядываться и думать о чем-то. Даже сосредоточенно думать!

Но является ли способность думать сосредоточенно способностью сосредоточивать мысли? Или же сосредоточенность тут описывает некое мое состояние при думании, а не состояние моих мыслей?

При всей поверхностности этих определений они все же воспринимаются как лингвистические. А вот определение Ушакова, сделанное в 1935 году, явно заимствованно у науки, и у науки модной:

«Внимание. Психический процесс, при котором из нескольких одновременных впечатлений некоторые воспринимаются особенно ясно».

Безусловно, Ушаков понятия не имеет о том, что такое «психические процессы». Это понятие в его время только входит в бытовое употребление и само по себе является понятийной свалкой, в которой нет ничего, что одинаково по-

нималось бы всеми психологами. Никто толком не понимает, что такое процессы; никто не доказал, что они относятся к психике; никто не в состоянии однозначно объяснить, что такое психика и существует ли она вообще!

Тем не менее это правящая научная парадигма, иначе – мнение правящего научного сообщества. И Ушаков предпочитает правящее психологическое мнение мнению лингвиста.

Впрочем, предшествовавшие ему лингвистические определения либо вообще невозможно понять, как определение Чудинова, либо они уже в то время ощущались поверхностными, как определение Стояна, сделанное в 1913 году:

«Внимание. Сосредоточивание мысли на предмете».

Определение Ушакова лингвисты не приняли и, как видите, предпочли вернуться на круги своя, перепевая определение Стояна, которое далеко не является определением внимания, если вообще к вниманию относится...

Это вовсе не случайность. В действительности, и этимологические словари не любили слово «внимание». Его нет в словарях таких добросовестных исследователей, как Преображенский, Фасмер, Черных, и многих других современных авторов.

Словарь Крылова уделит вниманию всего три строки:

«Внимание. Это заимствованное из старославянского слово образовано от внимати – „слушать“, произведенного с

помощью приставки вън („в“) и глагола имати – „брать“».

Это почти дословный повтор определения словаря Шанского, Иванова, Шанской, вышедшего в 1961 году:

«Внимание. Заимствование из старославянского языка. Образовано с помощью суф. – ние от внимати – „слушать“, производного посредством приставки вън- „в“ от имати – „брать“».

И даже в третьем томе многотомного «Этимологического словаря русского языка» под редакцией Шанского, вышедшем в 1968 году, внимание почти не заслуживает внимания лингвистов, хотя при этом Шанский полностью меняет свое мнение:

«Внимание. Вероятно, собственно русское. Встречается уже в памятниках XI века. Образовано с помощью суф. – ние от внимати».

Далее словарь делает предположение, что из греческого было заимствовано само исходное слово «внимать», поскольку является калькой соответствующего греческого слова. Все эти поиски исходных корней в чужих языках хороши, пока есть некая вещь, с которой они и были заимствованы. Вроде трамвая или миксера. Но когда речь заходит о человеке, его способностях, свойствах и качествах, усилия лингвистов становятся натужными.

Если внимание существует как данность моего внутреннего мира, я вполне мог обойтись без греков, чтобы заметить его.

Единственный этимолог, отводящий вниманию более или менее обширную статью, – Галина Павловна Цыганенко. Именно она в 1970 году заложила традицию связывать внимание с мыслью. Впрочем, в ее высказывании это звучит вполне приемлемо:

«Внимание – „направленность мысли на что-либо“, „забота“, „благосклонность“. В древнерусском языке образовано с помощью суффикса отвлеченных имен – иј-е от причастия въниманъ глагола вънимати „слушать с участием“ который образован от имати „брать“ посредством приставки вън- с пространственным значением „направление движения во внутрь чего-либо“...

Таким образом, внимание по этимологии как бы „вбирание в себя“, „захватывание внутрь“ > „слушание с интересом“ > „интерес, вызываемый кем- или чем-либо“ > „участие, расположение к чем- или кому-либо“».

Итак, если верить лингвистам, исходно внимать – это слушать с участием или интересом. Однако, если мы задумаемся, то и участие, и интерес в данном случае лишь слова, с помощью которых дается намек на то, что же такое внимание. И внимать тут вовсе не определено, потому что сделана тонкая подмена определения. Внимать – это не слушать с участием, а именно слушать со вниманием!

Внимание осталось бы вовсе не объяснено, если бы не последнее: внимание – это как бы «вбирание в себя», «захва-

тывание внутрь».

Куда внутрь? Во что происходит вбирание?

Если на этот вопрос не будет дано ответа, не будет обретено и понимание внимания. И я вовсе не уверен, что ответ на этот вопрос будет дан, хотя я вовсе не сомневаюсь, что он возможен.

Ответ этот, безусловно, существует, поскольку в вопросе явно виден намек на устройство человека. И если это устройство существует, однажды его удастся рассмотреть.

Однако, раз его так долго не могли рассмотреть, это вовсе не простая задача. Очевидно, для получения ответов такой сложности нужен другой уровень созерцательности, что предполагает и другой уровень психологической культуры, включая культуру самонаблюдения, почти полностью уничтоженную в нашей психологической науке...

Глава 2. Внимание в языке

Что очевидно, лингвисты, по крайней мере на уровне толковых словарей, боятся давать определения таким простым понятиям, как внимание, и стремятся переложить ответственность на ученых. Вероятно, на психологов. Оно и правильно, поскольку предполагается, что наука должна идти в познании действительности глубже, чем уже успел народ.

Однако и недооценивать то, что отложилось как знания о нашем мире в русском языке, нельзя. Детская болезнь науки заставляла ее торопиться и быстро придумывать новые понятия, вместо того чтобы понять, что уже нашел народ. Поэтому я хочу еще раз вернуться к толковым словарям и воспользоваться тем, что в них собрано в качестве примеров высказываний о внимании.

Полноценное лингвистическое понятие должно выводиться из этих примеров, а не братья готовым на стороне, пусть даже у самой передовой из наук. Поэтому я попытаюсь составить из приведенных языковых примеров описание внимания. В сущности, это будет описание явления. Именно описание позволяет разглядеть границы или пределы понятия, из чего и должно рождаться определение.

Должен отметить, «Словарь Академии Российской» в конце восемнадцатого столетия еще не имеет статьи посвя-

щенной вниманию, хотя в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)»¹ ему посвящено несколько примеров из старинных рукописей. Толкование этих примеров слишком сложно и без соответствующих знаний сомнительно, поэтому я их опущу и сразу перейду к Далю.

Даль выделяет для внимания довольно большую статью. Точнее, внимание скрыто внутри статьи «Внимать».

«Внимать, внять чему, внимаю и внемлю, арх. воймовать, сторожко слушать, прислушиваться, жадно поглощать слухом; усваивать себе слышанное или читанное; устремлять на это мысли и волю свою // слушаться, применять наставления к делу. – ся, стар. заниматься огнем, загораться.// – во что, твер. прм. Вступаться во что, браться за что, входить, мешаться в дело. Не внимайся в мое хозяйство».

В первую очередь, внимать – это слушать с усилием, прислушиваться. Как в пушкинском «Пророке»: «Восстань, пророк, и виждь, и внемли...». Однако слушать сторожко, жадно, с усилием – это и есть со вниманием. Очевидно, что исторически понятие слуха было разработано в нашем языке раньше, чем понятие внимания, что вполне естественно. Ведь слух – одна из важнейших способностей, обеспечивающих выживание.

Очевидно и то, что заметить внимание на примере слуха было проще, чем на примере зрения. Зрение слишком важно и используется для определения непосредственной опасности. И тут уж речь о внимании не идет, внимание мгновенно

становится произвольным, в силу чего и незаметным.

Слух, как часовой, используется тогда, когда непосредственной опасности, а значит, работы для зрения нет. Есть лишь подозрение, что опасность может возникнуть, появиться где-то за пределами обозримого и подкрасться. И ты заставляешь себя прислушиваться, для чего удерживаешь внимание на том, что слышишь.

Как пишет Даль: устремлять на это мысли и волю свою. Ты прикладываешь силу и заставляешь себя слушать, что в действительности означает, что ты именно удерживаешь внимание на слухе, не позволяя ему отвлечься на мысли. В итоге получается своеобразное йогическое упражнение, сродни дхаране или дхьяне, когда ты либо изгоняешь все лишние мысли из своего сознания, либо те, что есть, направляешь на то, к чему прислушиваешься. Попросту говоря, заставляешь себя думать только об этом.

Является ли такой пример управления мыслями примером управления вниманием? Боюсь, что нет. Мысли мыслями, а внимание вниманием. В мыслях его нет, оно за ними. Это лишь способ облегчить свою задачу, что-то вроде тех мнемонических приемов, с помощью которых запоминают сложные вещи. Они тоже, конечно, облегчают запоминание, но к памяти отношения не имеют.

А вот то, что Даль называет «волей», то есть некое усилие, явно может оказывать воздействие на внимание. И мы все знаем, что если подобного усилия не совершать, внимание

рассеивается или убегает с пролетающими мыслями. Мысли захватывают его и уносят, и приходится «ловить себя» и усилением «возвращать» к тому, что ты избрал созерцать внешним или внутренним взором.

Причем я могу созерцать нечто внешнее, а мысли унесут внимание внутрь, и взор мой затуманится. Это значит, что вниманию безразлично, куда быть направленным, и для него нет различия между внешним и внутренним мирами. Как если бы оно было выше извечного спора о том, что первично, и вообще имело природу, выходящую за рамки осмысленного идеализмом и материализмом.

Из приведенных Далем примеров, я, пожалуй, опущу архангельское воймать, поскольку не понимаю его. И тверское-пермское вниматься как «входить в дело». Это слово хоть и звучит одинаково со внимать, все же являет собою иную ветвь словообразования, видимо, производную от имать, то есть «братъ, браться».

А вот старинное вниматься заниматься огнем, загораться – чрезвычайно соблазнительно, хотя и совершенно непонятно. Очевидно, это тоже другая ветвь, дожившая до наших дней в выражении заниматься – заниматься пламенем, занималась, то есть разгоралась заря.

Скорее всего, в отношении внимания это выражение может использоваться лишь как метафора, этакое иносказание, указывающее на подвижность внимания. Оно тоже то тухнет, то вдруг вспыхивает, охватывая все естество человека и

вынуждая его всецело отдаться одному делу. Очень похоже на отношение древнего человека к огню.

А вот усваивать себе слышанное или читанное, похоже, очень важно. Думается мне, что именно это и есть первый выход за пределы слуха в попытке понять внимание. Да, конечно, внимать можно и слушая, но в таком случае слушание надо разделить на две части, среди которых будет и само слушание!

Внимать – это не слушать, а слушать с неким усилием, которое и есть внимание, грубо говоря. И если все, что относится во внимать к собственно «слушать», отбросить, то останется это усилие. Но его мало, чтобы говорить о внимании. Должно быть нечто еще. Усваивать слышанное или читанное – это тоже совсем не ответ. Это такой же намек, подсказка, вроде перста, указующего на луну. Его еще надо понять.

Во-первых, в данном случае очевидно, что внимание относилось не только к услышанному. Когда в древности некто вещающий слова истины или мудрости требовал от учеников внимать: «Внемли словам моим!», казалось, что он требовал слушать. Но слух никогда не прекращается и не выключается, как не выключается работа ни одного из органов восприятия.

Значит, он требовал не просто слушать, а удерживать слух на его речи? То есть не отвлекаться на то, что звучит вокруг? Это очевидно, и очевидно мало. Механическое слуша-

ние может даже позволить запомнить сказанное целиком. Но позволит ли оно понять сказанное?

И вот из подсказки Даля рождается прозрение: внимание должно быть связано с пониманием. Поэтому оно может проявляться внутри слушания, но может и внутри чтения. И только при его наличии происходит усвоение, которое невозможно без понимания.

Вероятно, я могу выстроить такую последовательность: восприятие внешними органами – внимание – понимание – усвоение.

Возникает вопрос: если эта последовательность имеет отношение к действительности, что она описывает? Это последовательность чего?

Пока рождается лишь один очевидный вопрос: последовательность познания. Иными словами, внимание – одно из основных и важнейших орудий человеческой способности познавать.

Это определение выглядит очевидным, но это не значит, что оно верно. Его еще надо доказать. А я пока сомневаюсь, что работа внимания ограничивается познанием. Мне кажется, что оно шире и может больше. Впрочем, мои сомнения, может быть, лишь признак непродуманности.

В любом случае, необходимо продолжить описание внимания, которое и позволит проверить родившееся предположение.

Глава 3. Немного о познании и созерцании

Мне представляется, что самым главным орудием познания является видение или созерцание. Под видением понимается мною нечто превосходящее зрение. Условно говоря, это зрение не телесное, а то самое, которое мы производим «внутренним оком». Вероятно, это видение души или чего-то за ней. Чтобы говорить о таких вещах определенно, необходимо проделать исследование человеческой способности познавать.

Я такого исследования не проделал и пока ограничиваюсь некими самыми общими штрихами, позволяющими наложить некие рамки или пределы на тот материал, который избрал своим предметом. Это рамки, определяющие мой предмет, — в данном случае, внимание, вширь.

Конечно, это весьма условное «вширь». Оно всего лишь позволяет мне хоть как-то собраться, отсекает лишние метания и удерживает даже не столько в рамках предмета, сколько в рамках того орудия, с помощью которого я собрался этот предмет исследовать. Условно говоря, я хочу внимание «рассмотреть», что бы это ни значило. И буду стараться его созерцать.

Тут уместно вспомнить, что теория, ставшая основным признаком науки, переводится с греческого именно как со-

зерцание. Иными словами, чтобы родилась теория в научном смысле слова, необходимо, чтобы случилось подлинное созерцание, которое и будет впоследствии записано в виде некоего трактата, описывающего изучаемый предмет.

Иначе говоря, теория в науке – это запись видения или описание предмета, созданное благодаря его созерцанию.

При этом исходно предполагается, что действительно научная теория рождается не тогда, когда профессионал от науки пишет большую и обязательно скучную, поскольку непонятную, книгу. Теория должна прибавлять некое качество, и если вдуматься, то это качество познания. А точнее, это увеличение количества знания, которым обладает человечество.

Следовательно, действительная теория – это описание того нового, что открылось при созерцании. А значит, созерцание – не просто рассматривание предмета с помощью внутреннего взора. И внутренний взор может быть таким же тупым, как у барана при виде новых ворот. Это значит, что действительным созерцанием, то есть тем видением, которое рождает теорию, мы можем называть только такое созерцание, которое прибавляет знание.

Но где его взять?

Только из действительности. Иначе говоря, из того, что разглядываешь. Оно там, конечно, не хранится. Знание создается мною, а не предметом изучения. Но сам предмет можно рассматривать с обычных сторон, то есть со сторон,

которые уже изучены и познаны. И тогда новое знание просто не может родиться, хоть все глаза прогляди. Это очевидность.

Неочевидно, почему такое разглядывание предмета нельзя считать созерцанием? Впрочем, считать или называть его созерцанием, наверное, можно. Кто же запретит?! Вопрос в том, чем оно отличается от того созерцания, которое приносит знания и становится теорией?

Очевидно, тем, что, глядя на уже известное, познанное, ты не разглядываешь действительность, а узнаешь ее! Иными словами, ты произвольно достаешь из сознания знания, которые хранятся в виде образов, и сквозь эти образы и рассматриваешь свой предмет. И если это произошло, то, что бы ты ни сказал, оно произвольно вторично, потому что включает в себя уже известные образы.

Рождается еще одно описание того же самого, возможно, высказанное иными словами. Но знание от этого не прибывает, а твое сочинение становится еще одним слоем культурных помех на пути к истине.

Похоже, новое открывается не тогда, когда мы применяем привычное разглядывание предмета любым взором, узнаваемое нами как его созерцание. А тогда, когда мы применяем это разглядывание к неведомым, не узнаваемым его сторонам. Иначе говоря, чтобы случилось созерцание, надо владеть как способностью разглядывать вещи, так и чутьем на неведомое.

Уже одна способность разглядывать может оказаться загадкой, поскольку мы привыкли глядеть глазами и считаем, что ими и разглядываем. Очевидно, это ошибка понимания, вызванная недостатком культуры самоосознавания. И мне кажется, что она из разряда тех, против которых когда-то выступал епископ Беркли.

Заявив, что нет мира «снаружи», что есть только мир «внутри» – в сущности, мир образов, который мы и рассматриваем, Беркли вовсе не отказывал миру в действительном существовании помимо человека. Он был не дурак, да и верующий человек, что значит, что для него снаружи было достаточно всего, включая Бога. Беркли лишь говорил, насколько это позволял ему его язык, о том, что мы не видим настоящего мира, а видим мы те образы этого мира, что живут в нашем сознании.

И означает это для меня то, что видение, происходящее за глазами и без глаз, гораздо важнее физического зрения. В том смысле важнее, что оно чаще всего занимает гораздо больший объем, чем восприятие всеми телесными органами чувств. Мы как бы глухи, слепы и немы, поскольку предпочитаем глядеть не на внешний мир, а в мир своих переживаний. И это испытывал каждый, когда, к примеру, гуляя по улице, вдруг обнаруживал, что в задумчивости не заметил, как оказался в совсем другой части города.

Мы все изрядно аутичны и умеем отключать те органы восприятия, которые непосредственно не нужны. Что назы-

вается, «тихо сам с собою я веду беседу», не замечая происходящего вокруг. Это, конечно, психологическое упрощение того, что хотел сказать Беркли, но зато это знакомо каждому.

Однако и это не все. Иногда нечто снаружи привлекает наше внимание и заставляет себя разглядывать. И мы определенно можем свидетельствовать про себя, что глядели не внутрь неких своих переживаний, а разглядывали нечто с помощью глаз. Но вот вопрос: с помощью глаз или глазами мы это разглядывали?

Иными словами, чувствуем ли мы при таком разглядывании, что внутренний взор никуда не исчезает, если глаза глядят, что он смотрит прямо сквозь тот поток восприятия, которым глаза снабжают сознание?

Иными словами, есть телесное зрение или его нет, внутренний взор сохраняется всегда. Он-то и может созерцать. А может и не созерцать.

Чтобы созерцать, как уже было сказано ранее, он, как и телесные глаза, однажды должен вырваться из плена переживаний и поглядеть не сквозь образы имеющихся знаний, а свободно, чисто. Чисто здесь означает без малейших примесей того, что уже имеется в памяти.

Вот если такое видение случается, тогда появляется возможность создать совершенно новый образ, который станет после этого твоим личным знанием. А если его перевести в запись, то может оказаться, что и все человечество посчитает его тем, что надо знать.

Может и не посчитать. К примеру, просто не рассмотрит сквозь твою запись. Или не разглядит ценность увиденного.

Следовательно, чтобы научиться созерцать, необходимо развить чувство новизны, то есть научиться видеть, что нечто, что сейчас тебе открылось, совершенно ново и не имеет образов в твоём сознании.

Новизна пугает. Людям свойственно от нее закрываться. Потому мы и накапливаем облака образов, которые, как нам кажется, объясняют устройство мира, в котором мы живем. Страх перед новизной – это проявление большого страха жить. А накопление знаний о мире – воплощение задачи выжить.

Выживание очень важно для человека. Особенно для человека, лишенного бессмертия, поскольку у него отобрали душу. Однако естественное развитие человеческого существа показывает, что выживание действительно важно лишь до того срока, пока ты не почувствовал, что тело твое развилось достаточно, чтобы ты мог решать главные задачи своей жизни. В сущности, главные задачи того, что называется воплощением у людей, которые еще имеют души.

И мы все помним те примеры из истории, когда люди свободно жертвуют телами, если перед ними встает вопрос чести. Или жертвуют здоровьем, если этого требует творчество. Это простое бытовое подтверждение того, что мы все прекрасно чувствуем свои главные задачи, которые никак не телесны. Эти задачи приносят с собой души, а тела ими рас-

смаатриваются лишь как орудия, необходимые для воплощения на Земле.

Поэтому в рамках прикладной психологии приходится признать, что выживание важно лишь условно и временно. Оно не покрывает всей жизни. Часть воплощения мы живем так, что могли бы пожертвовать телом ради главного. Но часто забываем об этом главном и потому влачим существование, в сущности, уже не сражаясь за выживание, но и не умирая, пока не израсходовали запас сил.

Если в такой период жизни главная задача вспомнится, человек сможет вершить чудеса. Но жизнь устроена так, что мы должны побеждать не только внешние сложности, но и внутреннее препятствие – нашу склонность терять осознание и присыпать с открытыми глазами. Это и есть то, о чем говорил Беркли, если упрощать.

Мы боимся жить и потому погружаем себя в облака образов, звавшихся у мазыков лопотью, которые держат нас в снопоподобных состояниях и не дают видеть действительность. И нас это устраивает.

Однако однажды приходит время, когда потребность вырваться из этой ловушки становится так сильна, что ты начинаешь чувствовать вкус таких состояний, в которых тебе удастся заметить непознанное. Даже если эти мгновения случаются нечасто, они становятся тем, ради чего ты живешь. И в них сладость, потому что они расширяют сознание.

Точнее, расширяют ту часть сознания, в которой ты сво-

боден от лопоти и где есть ты, а не образы чужих знаний. Чтобы созерцание случалось, к таким состояниям надо развить вкус. И делать усилие, позволяющее вырваться за пределы того, что тебе уже ведомо.

Именно тогда приходит знание.

Но это личное знание. И перед тобой встает вопрос: оставить его лишь для себя или сохранить для всех? И если ты ученый, то, значит, однажды, в одной из неведомых и давно забытых жизней, ты принес торжественную клятву богу, который в Греции звался Аполлоном, а на Руси, кажется, Семарглом, что посвятишь свою жизнь охоте за знаниями ради лучшей жизни людей.

Лучшая жизнь – это вовсе не более сытая земная жизнь. Земная жизнь – это выживание. А лучшая начинается после нее, после того как выживание обеспечено. Тогда, когда решены все основные задачи, ты начинаешь жить по душе и ради души. Это и считалось лучшей жизнью.

Вот ради нее ты и клялся кому-то из богов однажды. Впрочем, это мог быть вовсе и не бог, а, к примеру, титан вроде Прометея или асура вроде Варуны...

Какая разница! Главное, что, если ты настоящий ученый, эта клятва живет в глубине твоей души. А душа твоя знает, кому ты приносил свою клятву и чего она стоит. Впрочем, чего она стоит, могу сказать и я.

Эта клятва стоит свободы! Ты не обретишь ее, пока не сделаешь то, что обещал. Русские сказки помнят такие клят-

вы, когда ты обещаешь служить какому-нибудь волшебнику долгие годы и служишь, как Геракл, пока не очистишь все авгиевы конюшни...

Как ни смешно, но то, что мы вышвыриваем наружу при этой чистке, — это те описания действительности, которые удалось добыть при созерцании.

Как ни обидно, но все, что выходит из-под моего пера, — это дерьмо...

Хотя бы потому, что оно уже превращено в знания, а значит, служит для того, чтобы замазывать чьи-то глаза и предоставлять им как можно больше возможностей для узнавания вместо созерцания.

Однако перст, указывающий на луну, тоже не луна. Но для имеющего вкус к неведомому он может послужить обрывом, с которого можно сорваться...

Глава 4. Описание

Чтобы созерцание исследователя стало научным знанием, оно должно быть записано. Но эта запись будет недостаточной, если предмет созерцания не будет описан достаточно полно, чтобы записью стало возможно пользоваться. Иными словами, одиночного созерцания может и не хватить, поскольку человечество, чтобы использовать то, что открылось одному из его представителей, должно познать данный предмет всесторонне.

Чтобы запись созерцаний стала полезной, она должна быть сделана как бы штрихами или мазками, каждый из которых и есть запись отдельного созерцания. Благодаря множеству созерцаний предмет может быть описан всесторонне. Вот тогда описание обретает ценность, делающую его знанием.

Где взять эти штрихи в отношении внимания? Очевидный ответ: из созерцаний. И совсем не очевидный встречный вопрос: из чьих? Если мы играем в науку, то все должно быть по правилам: хочешь выглядеть настоящим ученым, делай открытия! Если же вопрос в том, что мне действительно нужно знать, что такое внимание, и без этого я просто в беде, то причем тут то, как я буду выглядеть?! Мне все равно, будут ли меня считать настоящим ученым!

Поэтому я спокойно и без малейших комплексов восполь-

зуюсь трудом предшественников. А предшественниками для меня являются не только мой брат ученый, но и все те люди, которые наблюдали за собой и сохраняли штрихи исследуемого мною явления. И в первую очередь, это поколения русских людей, чей опыт отложился в языке.

Если до этого я пользовался определениями лингвистов, то теперь я воспользуюсь теми примерами из русского языка, в которых сохранился народный опыт.

Итак, еще раз Даль:

«Внимание, внятие, войм. Обрати внимание на это дело. Ты слушаешь без внимания все советы».

Весьма неожиданные слова, за полтора века вышедшие из употребления, – внятие и войм. Пока еще живо обратное внятию – внятность: говори внятно. Но я бы никак не связал его со вниманием. И, похоже, напрасно. Очевидно, что для того чтобы говорить внятно, нужно направлять внимание на то, как произносишь слова. Внятность – это говорение со вниманием. А внятие – внимательное слушание говорения.

Однако слушать советы без внимания – это совсем не то же, что слушать их без внятия. Внятие, условно говоря, направлено именно на говорение. А в отношении советов речь идет не об этом. Ты можешь произносить свои советы внятно, можешь невнятно. Слушающий не обращает внимания не на то, что и как произнесено, а на само содержание совета.

И это тоже неверное определение. Он, может быть, очень внимательно слушал и очень внимательно разглядывал суть

совета. Но именно по итогам внимательного рассмотрения и обдумывания принял осознанное решение не следовать совету. И так много раз.

Следовательно, в этом примере: Ты слушаешь без внимания все советы, — речь вовсе не идет о том внимании, которое я ищу. Как и в выражении «оставить советы без внимания». Речь идет о том, как внимание проявляется в жизни.

А проявляется оно в виде действий или изменения поведения. Если ты внимателен к тому, что пытается на тебя воздействовать, ты откликаешься телесно. И говорящий, точнее сетующий в данном примере, обижен, что ты его выслушал, но не откликнулся телесно, не изменил поведения.

Похоже, тут мы имеем второй уровень использования слова «внимание», на котором оно становится своеобразной метафорой, иносказанием. Люди заметили важнейшую черту внимания — оно ведет к мгновенным ответам на угрозы или воздействия — и сделали из нее способ говорить о любых человеческих делах. Если ты не откликаешься на что-то, ты как бы не обращаешь на это Внимания.

Поэтому я ввожу знак, позволяющий различать внимание первое и Вниманием второе. Расширение понятия «внимание» я пишу с большой буквы — Вниманием. И понимаю под ним не собственно внимание, а иносказательные случаи использования этого имени.

И теперь, когда этот небольшой штрих введен, вполне можно разглядеть, что и в первом примере Даль говорит не

о внимании, а о Внимании: «Обрати внимание на это дело».

Это очевидно, хоть случай и более тонкий. Стоит только задаться вопросом, а о каком деле идет речь? Самое очевидное, что перед кем-то вроде следователя или чиновника положили папку, называющуюся Дело такое-то, либо рассказали о каких-то делах устно, что для него почти то же самое, лишь не записано на бумагу.

И что тут важно для нашего «чиновника»? Точнее, для того, чтобы его понять? То, что у него таких дел несколько, так сказать, целый ряд. И они, условно говоря, лежат все перед его глазами рядом, так что ни одно не выделяется. И чтобы выделить то, которое нужно мне, я привлекаю внимание (в обычном смысле) к одному предмету из этого ряда одинаковых и в силу этого безликих предметов.

Как я могу привлечь внимание? Например, пошевелить этот предмет. Или ткнуть в него пальцем. А то и просто поставить на нем яркую галочку. Но это пока речь идет о внимании и о действительном ряде зрительно воспринимаемых одинаковых предметов.

Но в нашем случае никакого ряда нет. Даже если один чиновник принес другому стопку из «дел» и положил одно сверху, чтобы привлечь внимание, привлекает он все же Вниманием! Ему ведь совершенно не нужно, чтобы чиновник разглядывал папку, ему нужно, чтобы тот что-то сделал по сути изложенного в «деле».

Это значит, что он весьма условно привлекает внимание,

хотя и это тоже происходит на какое-то мгновение, пока ты даешь себе труд запомнить, где лежит это «дело» или как оно называется. Но в следующий миг внимание выключается, зато включается разум, и ты начинаешь искать, как решить ту задачу, которая в этом «деле» скрыта.

И тут, что очевидно, снова пример того, что если использовать слово «внимание», то ожидается, что человек непосредственно откликнется на некое воздействие. То есть начнет действовать, как если бы рассмотрел некую опасность. Возможно, что чиновник и рассмотрел ее, когда услышал, что на дело надо обратить внимание. Но опасность эта вовсе не находилась в «деле», она вообще была недоступна вниманию, потому что скрывалась за весьма отдаленными последствиями его действий.

Тем не менее очевидно: каждый случай речевого использования Внимания, говорящий вовсе не о внимании, тем не менее описывает именно то, как людьми ожидается действительная работа внимания. Это первое.

Второе: понятие «внимание», которое ощущается так плохо изученным и понятым наукой, в действительности настолько давно исследуется народом и так привычно, что постоянно используется не только для прямого описания действительности, но и для творения вторичных смыслов. Такое обилие метафорических использований какого-то слова означает, что слово это очень, очень хорошо знакомо и понятно любому носителю русского языка!

Из этого следует третий вывод: народ не сомневается, что моего понятия о внимании будет достаточно для понимания сложных иносказаний с этим словом. Значит, мое понятие о внимании действительно хорошо!

Вот не ожидал!

Глава 5. Внимчивость

Вероятно, самым примечательным штрихом внимания в статье из словаря Даля является этот:

«Внимчивость, внимательность – свойство это, рвение или желание все услышать, узнать и усвоить себе; прилежание».

В отличие от предыдущих примеров, которые показывали Внимание, то есть некое иносказание, лишь опирающееся на понятие внимания, внимчивость определенно говорит именно о том внимании, которое хочу понять я. Это внимание как исходное мое свойство определенно требует некоего желания познать и усвоить, прилежания и даже рвения.

Лично я склонен говорить об этом как об усилии, с помощью которого мы можем направлять внимание и удерживать его. В сущности, усилие управления вниманием. Но рвение и прилежание, вырастающие из желания, хорошо поясняют это усилие.

Поищу примеры в более поздних словарях.

Ушаков приводит примеры, сопоставляющие внимание с вниканием:

«Интерес, заботливое отношение, стремление вникнуть. Сосредоточить внимание на чем-нибудь. С должным вниманием. Без внимания. Достойный внимания. Привлекать внимание».

Напомню, что для многих языковедов внимание было «сосредоточением мысли». Ушаков же говорит о «сосредоточении внимания», и мне это кажется гораздо более точным. Что такое сосредоточение? Мы привыкли понимать это выражение слишком широко, в духе победных реляций с театра войны – как сосредоточение сил на определенном участке фронта.

В действительности, сосредоточение – это сведение в точку, фокусировка. Сосредоточить мысли можно лишь как войска – толпу, которая плотно сжалась возле чего-то. Сосредоточить внимание можно примерно как луч солнца с помощью увеличительного стекла, когда выжигаешь им по дереву. Это совсем разные образы и действия. И, надо добавить, совсем разное понимание внимания.

Да и вникать тоже существенно помогает понять внимание, хотя это лишь способ, каким внимание используется для обретения знаний. У того же Ушакова:

«Вникать. Внимательно разбираясь в чем-нибудь стараться понять, добиться понимания».

Стараться понять – значит раз за разом направлять убегающее внимание на то, что стало предметом твоего изучения. Действительное внимание – как пугливая дичь. Его надо преследовать неустанно, заставляя себя не прекращать охоту.

Тем не менее, из числа приведенных Ушаковым примеров: «С должным вниманием. Без внимания. Достойный

внимания. Привлекать внимание» – лишь последний относится к вниманию. Все предыдущие – это Внимание, то есть использование понятия «внимание» для разговора о чем-то другом.

Так, «с должным вниманием» – это предупреждение или требование при работе с чем-то или кем-то не пропустить чего-то важного или быть осторожным, потому что дело это опасное, а человек имеет связи. От него нельзя отмахнуться как от простого посетителя: будут последствия.

Следовательно, речь идет не о внимании, а о том, чтобы сделать то, что требуется, в полном объеме, а не кое-как. Это еще один пример того, что внимание, если его возбудить, мгновенно заставляет человека действовать, что, очевидно, обеспечивает нам выживание.

«Достойный внимания» – отнюдь не привлекающий внимание, а требующий определенного отношения или действий. В сущности, речь идет не о рядовом человеке, а выдающемся в каком-то отношении. Как вещь в ряду других вещей, привлекающая внимания. Но Внимание к этому человеку или произведению отнюдь не естественное, а, как говорят психологи, произвольное. Как удержание мысли, а точнее разума, на этом предмете. Его надо не рассмотреть, а понять и запомнить.

Да и «без внимания» – бытовое выражение, вырванное из своих связей. В полном виде оно, скорее всего, звучит как «отнесся без должного внимания». Или: «читал, смот-

рел, слушал без должного внимания». Это значит, что сам по себе этот предмет или человек не привлекал внимания произвольно. Но надо было сделать усилие и заставить себя следить за тем, что происходит, чтобы не пропустить что-то существенное, о чем впоследствии спросят.

Действительное внимание при этом было, но где-то блуждало, и это прямо свидетельствует о том, что речь тут идет совсем не о внимании, а о некой установке на поиск существенного или важного. И происходит этот поиск не прямо, не в миг восприятия, а с небольшим запозданием, когда ты просматриваешь те образы, которые у тебя отложились.

Иными словами, ты сидишь и рассеянно смотришь на что-то или слушаешь кого-то. Но поскольку у тебя есть задача впоследствии как-то показать, что ты не пропустил главного, ты вполуха или вполглаза воспринимаешь то, что перед тобой происходит. Воспринимаешь ты так, чтобы не загружать свое сознание тем, что тебе неинтересно. Но при этом просматриваешь то, что откладывается, через какие-то промежутки времени. И если тебе покажется, что прозвучало нечто важное, ты пересматриваешь.

И уж тут ты слушаешь со вниманием. А потом снова переходишь к Вниманию и дожидаясь, когда это все закончится либо снова мелькнет искорка важного.

Вероятно, при этом где-то в глубинах твоего сознания внимание все же работает и позволяет тебе просматривать то, что было выложено в виде образов. Совершенно очевид-

но, что такой способ восприятия скучных или не нужных нам вещей гораздо экономичней, как говорится. Но в нем есть опасность упустить что-то, что было важно, и за это тебя попрекнут, что ты отнесся к делу без должного внимания.

Впрочем, точно так же тебя попрекнут, если ты не выполнишь просьбу кого-то, кто имеет значение. И тебе тоже скажут, что ты отнесся к просьбе важного человека без внимания. А на деле ты просто не проявил необходимого старания или рвения угодить и услужить.

Как бы там ни было, но внимание – не простое явление в моем устройстве. Понятие о нем состоит из множества культурных и исторических слоев. И без очищения все попытки пробиться к вниманию будут обречены, что, я думаю, и случилось со многими исследователями.

Тем не менее я уже наработал себе способность видеть Внимание, то есть то, что использует это имя, но в действительности является не вниманием, а некими действиями, исполняемыми так, как должно бы работать внимание. Поэтому я могу себе позволить в соответствии с КИ-психологическим подходом к исследованию отбрасывать в дальнейшем все подобные примеры.

Сам же я хотел бы пройти в следующий слой понятия о внимании, где хранятся образы, соответствующие слову внимчивость. Однако, подозреваю, что слои культуры, использующей понятие о внимании, еще далеко не исчерпаны. И я определенно вижу еще один.

Глава 6. Продолжая описание

Продолжая описание внимания, а точнее, пробиваясь к действительному описанию сквозь множественные слои русского понятия «внимание», я хочу разобрать еще один пример из словаря Ушакова, приведенный в статье «Внимательный»:

«Внимательный...Выражающий внимание. Внимательное лицо».

Имеет ли лицо, выражающее внимание, отношение к вниманию? Безусловно, какое-то отношение оно имеет. Это очевидно. Но имеет ли оно отношение к действительному вниманию?

Тут мы налетаем на одно из основных полей всей физиологической психологии в широком смысле этого понятия. Не только собственно физиологическая психология, но и вся научная психология, исходявшая из того, что души нет, а есть различные телесные явления, начинала изучать внимание с его телесных выражений. Доходило до абсурда: небольшое число психофизиологов считали, что именно в этих телесных выражениях внимательности и скрывается все внимание.

Иными словами, есть мнение, что если соответствующие изменения в теле вроде поворотов головы, шевеления ушами, внимательного лица, то это и есть внимание. Однако пой-

дем пока от русского языка. А он однозначно считает, если есть выражение чего-то, то должно быть и то, что выражает себя с помощью телесных признаков.

При этом столь же однозначно: если есть телесные признаки, иначе, выражение внимания, то где-то за ними есть и внимание. За исключением случая, описанного словами «внимательное лицо». Как раз в этом случае человек может и обмануть.

Что, однако, вполне передает суть: мы настолько хорошо знаем внимание, что даже умеем его подделывать и при этом твердо уверены, что другой однозначно распознает по тем искусственным признакам, что мы сумеем изобразить, именно внимание.

Итак, получается, что в первом слое русского языкового понятия о внимании мы имеем дело вовсе не с вниманием, а с действиями, исполняемыми по образу действий, вызываемых вниманием. Это не случайное подражание: очевидно, что внимание обладает силой, чтобы управлять нашими действиями мгновенно и неотложно.

Во втором слое, под тем же именем внимания появляются способы подмены внимания на внешнее изображение. При этом можно говорить, что такие способы оцениваются людьми как весьма полезное искусство, и достигают в нем изрядного совершенства. В следующих строках Ушаков как раз приводит пример такой искусности в изображении внимания, именуемой любезностью:

«Проявляющий внимание к кому-нибудь, любезный. Хозяин был внимателен ко всем».

Хозяин, вероятно хозяин гостиницы, хозяин ресторана, или хозяин дома, принимающий гостей, не был внимателен. В этом не было действительной необходимости, поскольку гости вели себя прилично и не представляли опасности. Но если рассматривать это как пример дела, в котором хозяин зарабатывает на своих посетителях, то высказывание, описывающее поведение хозяина, остается прежним, но суть выступает ярче.

Хозяин не был внимателен, но он старался сделать то, что хотели от него гости. Для этого собственно внимание не очень-то и требовалось. Для этого требовалось подумать, а потом стараться. И требовалось изображать внимание.

Так и половой, стоя перед столиком с посетителями, которые заказывают еду, должен изображать внимательность, хотя при этом лишь ждет, когда прозвучат названия и количества, чтобы пометить их в книжке заказов. Никакое действительное внимание в этом случае не требуется, но требуется сделать так, чтобы посетители были довольны и хорошо платили. А потом приходили еще, потому что им нравится обслуживание.

Значит, обслуживание с изображением внимания – это немалая ценность! И ценятся те люди, которые умеют сделать внимательное лицо. Кстати, и студенты непроизвольно учатся этому искусству, когда им хочется спать на лекциях.

Где там витают твои мысли, не важно, но лицо должно быть внимательным! Мы все знаем, что уметь изобразить внимание иногда просто необходимо, как если бы от этого зависело наше выживание. И, вероятно, это так!

Вполне очевидно, что внимание – вещь ценная и потому может быть товаром. А раз есть мастера в изображении внимания, значит, рынок этот весьма развит и в нем требуется мастерство.

Что означает, что и покупатели здесь изощренные и легко распознают подделки. Поэтому, очевидно, утонченность в изображении внимания подчас доходит почти до проявления действительного внимания. И как разделить, где тут внимание, а где слой лжи, вопрос не для начинающего исследователя. Но очевидно, что я этим владею, раз мне и самому постоянно утонченно изображают внимание.

Следовательно, вопрос этот решается, с одной стороны, искусством самонаблюдения, а с другой – очищением. В определенной глубине своего сознания я точно владею способностью различать подлинное внимание от его изображения. И там же я умею сам очень тонко изобразить внимание, удерживая эту маску на своем лице, в то время как действительное мое внимание быстро перебирает те мысли, которые для меня действительно важны.

Но чтобы описать это состояние, мне нужно очистить свое сознание еще от множества помех, которые не пускают меня в созерцание и отвлекают на все, что мелькает перед моим

внутренним взором.

А мелькают, собственно говоря, множественные значения все того же простого слова «внимание». Я, конечно, не имею сейчас в виду то, что может меня отвлекать за пределами поставленной перед собой задачи, понять внимание. Конечно, и звонок в дверь, и свист чайника на плите, меня отвлекут. Но отвлекут, целиком выдернув из задачи.

Однако я откликнусь на это отвлечение, удерживая задачу целиком и неприкосновенной. А как только освобожусь, то снова окунусь в нее как в особый сосуд, и там все будет по-прежнему чисто до того пространства, до которого я уже прошел, убирая помехи. Но вот дальше мое видение будет заститъ понятийная муть, до которой я еще не добрался. И, соответственно, если я попытаюсь перескочить через не проясненные понятия, они прицепятся к моим рассуждениям и внесут в них искажения.

Поэтому чтобы рассуждение оставалось чистым, придется пройти все языковые примеры из словарей русского языка и исчерпать то описание внимания, которое сделано русским народом. Вот после этого наступит время науки и всех доступных мне упражнений и экспериментов, позволяющих пройти глубже.

Глава 7. Забота со вниманием

Да, мы все большие мастера, как изображать внимание, делая внимательные лица. Однако если это воспринимается как вполне сносный товар, значит, он соответствует нашим ожиданиям. Но не ожиданиям же обмана! Мы все ждем, что к нам отнесутся со вниманием и, получив соответствующее обслуживание, считаем, что получили внимание.

Что же мы в действительности получили?

Впрочем, вопрос неверный. Даже не важно, что мы получаем, когда вместо внимания нам продают изображение внимания. Важно лишь одно: можно ли сквозь это пробиться к действительному вниманию? Если верить тому, что мы все в этом не сомневаемся, когда принимаем подмену, мы все верим, что внимание тут где-то есть.

Но что мы ищем в данном случае – внимание или заботу?

Очевидно, что заботу, но почему-то предпочитаем называть ее вниманием. Почему?

Как определяет заботу Ожегов (1961), это «мысль или деятельность, направленная к благополучию кого-чего-нибудь».

Прав ли он, я даже не берусь разбираться, хотя исходно подозреваю, что это опять очень поверхностное определение. Более того, я подозреваю, что под мыслями и соответственно, деятельностью, лежат не просто образы, но некий

источник образов, который их порождает. И источник этот лежит столь глубоко, что языковеды его просто не видят, а психологи избегают видеть, поскольку он, думается мне, в душе.

И сама эта забота без души понята быть не может.

Но в быту и в отношении заботы возможны подделки. Простой набор правильных, ожидаемых человеком действий может расцениваться им как забота, независимо от того, что тобой двигало. А двигать могла и корысть. И тогда твои действия не действительная забота, а имитация заботы в целях обогащения, например.

Но и это не важно. Важно сейчас лишь то, что же объединяет эти два понятия под общим именем внимания.

Почему люди ценят внимание, ожидая, в действительности, заботы, в общем, очевидно. Забота действительно улучшает нашу жизнь. Внимание же – настолько внутренняя способность человека, что улучшать может лишь жизнь своего хозяина. Что, однако, не отменяет возможности направлять внимание на что угодно, в том числе и на другого человека. Но внимание никак не может заменить заботу. Как подменилось имя?

Очевидно, внимание – одна из важнейших черт заботы. Причем настолько яркая, что и стала восприниматься как основной признак. А что, собственно, входит в заботу?

Если верить определению – мысли определенной направленности и дела. Но очевидно, что и внимание. Три части, и

внимание – самая яркая.

Действительно, мысль увидеть нельзя. Действия видны, но оценить их мы можем только задним числом, по итогам. А вот внешние выражения внимания видны непосредственно в тот миг, когда забота больше всего требуется. Например, когда у тебя боли.

Как и когда проявляется действительное внимание? В первую очередь, когда в окружающем нас мире происходят изменения, которые важны для выживания. Нечто шевельнулось, и мы тут же смотрим туда, подозревая опасность. Нечто привлекло наш взгляд цветом или видом, и мы принимаемся его изучать, не съедобное ли это...

Старые русские мазыки, у которых мне довелось учиться, говорили, что разум как орудие выживания рождается из трех первых струй. Сталкиваясь с неведомым, он всегда обязательно задается тремя вопросами: опасно – не опасно? съедобно – не съедобно? полезно – не полезно?

Именно эти вопросы и управляют вниманием, направляя его на появившиеся в поле восприятия предмет, существо или явление природы. И удерживают его на них до тех пор, пока не будет получен ответ.

После этого мы можем заниматься этой вещью, хоть поедать ее, но наше внимание уже гуляет вместе с разумом по другим полям, перебирая множество вещей, которые имеются в сознании или окружающем мире. В сущности, путешествует по этому хранилищу не само внимание, а разум, ко-

торый постоянно упорядочивает окружающий его мир. Что, естественно, сказывается на легкости выживания и качестве жизни.

Каким образом это устройство разума может проявляться в заботе? Ведь то, что другой человек нас не съест и даже не ударит, становится очевидным с первых мгновений. Особенно если он действительно нуждается в заботе.

Впрочем, это не так уж однозначно. Кто-то может и ударить. Кто-то накричать. А кто-то ухудшить мою жизнь иным способом, например понизив в должности или лишив чаевых.

Это значит, что даже при общении с простым посетителем, человек постоянно может ожидать некой опасности. И пусть он вряд ли рассчитывает съесть кусочек другого человека, хотя при заботе о больном может перепасть и кусок еды. Но гораздо вероятней, что при общении с другим человеком ты все время готов к появлению возможности извлечь какую-то пользу. Хоть те же чаевые...

Все эти ожидания, безусловно, заставляют внимание постоянно возвращаться к человеку, вспыхивая и мерцая, как некое свечение. Однако именно это свечение внимания не имеет никакого отношения к тому, что ожидается от меня другим! Вот ведь фокус!

Когда другой знает, что его обслужили со вниманием, он ожидает заботы, а не внимательного прощупывания на предмет извлечения из него пользы. И второй, изображая внима-

ние, показывает не то, что он внимательно изучает, опасаясь и рассчитывая поживиться, а то, что он заботится. Если какое-то внимание в этих случаях и становится товаром, то отнюдь не настоящее!

Но при этом очень хочется, чтобы настоящим было именно то, которое мы изображаем, делая «внимательное лицо», а это именно то внимание, которое должно быть при заботе. Следовательно, мы знаем, каким оно должно быть.

Ожегов (в 1952 году) дает такое определение:

«Внимательный. 1. проникнутый вниманием, сосредоточенный. Внимательный читатель. Внимательный взгляд. 2. Проявляющий внимание, чуткий. Внимательный уход за больными».

Человек, заботящийся о другом, должен быть чутким, то есть должен откликаться на малейшие изменения в его состоянии. Этого просто нельзя сделать без внимания. Выражение «внимательный уход за больными» в действительности неверное и даже почти невозможное в русском языке. Это искусственная конструкция; языковед придумал ее ради примера. На самом деле должен был быть «заботливый уход за больными».

Но вот что определенно должно было быть у того, кто ухаживает за больными, если он действительно делает то, что нам всем желательно, это забота и внимательный взгляд. Не внимательное лицо, ни в коем случае не внимательное лицо! Но внимательный взгляд!

Почему, я думаю, очевидно: лицо воспринимать не может. Оно не орган восприятия. Оно орган изображения, оно – личина, надетая на душу. Зато взгляд – это даже не глаз. Это не просто орган восприятия, а само восприятие, узко направленное на предмет, приковывающий внимание.

Если у человека внимательный взгляд, мы знаем: он действительно видит нас! Он может после этого ничего не сделать, но может и сделать, потому что он видел. Тот же, который не видел, уже точно не сделает.

Наличие внимания делает заботу возможной. Оно не увеличивает вероятность или количество заботы. Оно делает ее возможной. Если внимания нет, заботы тоже нет. Есть исполнение обязанностей. Но эти обязанности делаются без души. И значит, весьма сомнительны. Может быть, проще и дешевле было бы нанять совсем чужого человека, который был бы внимателен не ко мне, а к той пользе, которую можно из меня извлечь, и потому старался бы...

Думается мне, что забота и подобные ей понятия составляют еще один слой культурного содержания моего сознания, отделяющий меня от созерцания внимания в чистом виде. Я пока даже не знаю, есть ли еще что-то, подобное заботе, что могло бы скрывать от меня внимание. Но если оно встретится, теперь я его узнаю.

Глава 8. Сосредоточение мыслей

Ожегов многократно переиздавал свой «Словарь русского языка», постепенно меняя определения и расширяя набор примеров. Поэтому приведу его определение из четвертого издания (1961).

«Внимание. 1. Сосредоточение мыслей или зрения, слуха на чем-нибудь. Обратить внимание на что-нибудь. Отнестись со вниманием. Привлечь чье-нибудь внимание. Принять во внимание. Уделить внимание кому-нибудь. В центре внимания. Оставить без внимания. Вниманию зрителей! (то есть зрители, обратите внимание)».

Определение, которое он приводит, не так уж редко встречается в том или ином звучании и у психологов. Иногда, как у Челпанова в «Учебнике психологии для гимназий и самообразования», мыслимое появлялось лишь как пояснение: «...под вниманием следует понимать ту способность, благодаря которой мы из ряда впечатлений, действующих на наше сознание, некоторые мыслим ясно и отчетливо» (Челпанов. С. 83).

У советских психологов (например, Петровского и Фортунатова в 1956 году) сосредоточение мысли оказывалось сосредоточенностью психической деятельности без особых объяснений:

«Внимание – это сосредоточенность психической дея-

тельности и ее направленность на что-либо, имеющее то или иное значение для человека» (Фортунов. С. 29).

Но коллеги-марксисты поясняли, что психическая деятельность определенно включает в себя мысли:

«Внимание – это такая организация психической деятельности, при которой определенные восприятия, представления, мысли или чувства сознаются отчетливее других, отходящих на второй план...» (Платонов. С. 101).

Независимо от того, насколько показательны случайно подобранные мною примеры, все же определение Ожегова расходилось по умам и являет собой явную научную традицию понимания внимания. И кто у кого заимствовал понимание – языковед у психологов или психологи у языковеда, мне не так уж важно. Гораздо важнее, соответствует ли оно действительности.

Не буду пока вдаваться в такие языковые мелочи, как сами словосочетания «сосредоточить зрение» и «сосредоточить слух». Возможны ли они с точки зрения русского языка? Или Ожегов лишь создал их, чтобы пояснить какое-то свое представление о том, что происходит при направлении внимания. Но все же добавлю к ним уточнение: направить внимание – это КАК БЫ сосредоточить зрение или слух.

С этим добавлением высказывание Ожегова теряет ту очаровательную самоуверенность, которая и творит облик ученого в общественном мнении. Но если очарование уходит, то

появляется и возможность для сомнений, которая приносит подсказку: за якобы сосредоточением слуха и зрения скрывается какое-то действие, которое очень похоже на сосредоточение. И оно заслуживает исследования.

Но я пока остановлюсь на первой части определения: внимание – это сосредоточение мысли. Вот мысли, похоже, можно сосредоточивать. Просто потому, что их, в отличие от слуха или зрения, много и они всегда расползаются, как стадо овец. По крайней мере, так кажется на первый взгляд.

И вот вопрос: подтверждается ли такое определение языковыми примерами, которые привел лингвист далее?

«Внимание. 1. Сосредоточение мыслей... на чем-нибудь. Обратить внимание на что-нибудь. Отнестись со вниманием. Привлечь чье-нибудь внимание. Принять во внимание. Уделить внимание кому-нибудь. В центре внимания. Оставить без внимания. Вниманию зрителей! (то есть зрители, обратите внимание)».

Честно говоря, когда я гляжу на это сопоставление определения с примерами, на меня накатывает беспомощность: я вообще не могу понять, как оно следует из этих примеров. И мне хочется сдаться, и сказать себе: ну это все и есть сосредоточение мысли!

Думаю, что Ожегов сначала придумывал определение, привлекая его из собственного понятия о внимании, а затем просто набирал все подвернувшиеся примеры из русского языка. И вовсе не выводил определение из этих примеров, то

есть из действительности.

При этом вовсе не обязательно, что он не прав. Ведь он прекрасно видит и распознает внимание в любых его проявлениях. Иначе говоря, у него, как и у меня, и у любого, читающего это, вполне рабочее понятие о внимании. И в нем, по крайней мере у Ожегова, имеется связь внимания и мысли, которую он передает словом «сосредоточение».

Вот когда я говорю, что между вниманием и мыслью есть связь, это ощущается бесспорным. И то, что связь эта КАК-ТО похожа на сосредоточение, тоже. Но то, что внимание и есть сосредоточение мысли, теперь выглядит очевидно неверным. Просто потому, что сосредоточение мыслей – это сосредоточение мыслей! А внимание – это внимание.

Но как они связаны?

Думаю, внимание необходимо для того, чтобы произошло сосредоточение мыслей. Можно ли это разглядеть в приведенных примерах?

Обратить внимание на что-нибудь.

Выражение явно двойственное, как большинство высказываний, связанных с вниманием. Без некоего окружения, так сказать, среды, в которой оно было употреблено, его однозначно не понять. Простейший случай, когда мы обращаем внимание на что-то, действительно связан с вниманием.

Если ты идешь по улице и там происходит нечто неожиданное – драка, авария, и ты весь внимание, то это не «обра-

тить внимание». Тут ты не только обращал внимание, ты не мог не обращать его, тебя, можно сказать, и не было, было только внимание. Это не ты обращал внимание, это внимание обращало себя с твоей помощью.

Другое дело, когда после разговора с кем-то тебе задают вопрос: а ты обратил внимание, что твой собеседник, к примеру, умолчал о чем-то? Вот тут ты понимаешь, что пропустил нечто важное, и начинаешь чувствовать вкус того, что значит обращать внимание.

Обращать внимание – действие, для которого необходим деятель. Это отнюдь не произвольное внимание, которое свершается как бы само по себе, захватывая тебя настолько, что тебе не нужно себя утруждать. Чтобы обращать внимание, нужна определенная культура, к примеру культура общения. Или работы над текстом. А суть этой культуры в наличии понимания.

Ты должен понимать, что происходит, чтобы суметь разглядеть скрытые двигатели события, которое являет себя перед твоими глазами. Несколько примеров.

Если ты смотришь футбол, то ты можешь просто болеть за своих. И страшно переживать или столь же страшно радоваться. Но когда ты будешь делиться своим возмущением с понимающим человеком, он вполне может тебе сказать: «А ты обратил внимание, что у них один защитник все время пасся за спиной нашего нападающего? Вот тебе и объяснение, почему наш не забивал. А сделал это их новый тренер,

который верно понял, как вывести нашего из игры...».

Точно так же понимающий человек во время предвыборной компании может подсказать: «Обрати внимание, они в который раз пускают по телевидению этот ролик в обеденный перерыв. В итоге у их конкурентов на предприятиях упала производительность и не на что финансировать выборы...».

Сколь бы ходульны ни были мои примеры, они показывают главное: мы вместе видим одно и то же, но воспринимаем его по-разному: один – как действительность, другой – как явление.

В явлении всегда два слоя: один – это то, что снаружи, другой – нечто внутри, что являет себя таким образом.

Оба созерцателя, безусловно, имели внимание направленным на происходящее перед глазами. И видели они абсолютно одно и то же. Однако один заметил больше, чем другой. Откуда он это взял? Он не мог разглядеть в том, что происходило перед глазами, больше, чем там происходило. Иначе говоря, там, куда они оба глядели, просто не было больше того, что восприняли их органы восприятия.

В данном случае я исхожу из допущения, что оба смотрели с одинаковым вниманием. При этом кажется, что если бы внимание одного было чуть сильнее, он бы разглядел больше деталей. Например, он мог бы спросить: «А ты обратил внимание, что сегодня у полузащитника не было обручального кольца на пальце?»

Однако, похоже, этот пример обманывает.

Лишь по видимости кажется, что один заметил отсутствие кольца потому, что смотрел с большим вниманием. Заметить кольцо – то же самое, что заметить задумку тренера или хитрость избирательной компании. Вопрос не в силе внимания, вопрос лишь в его направленности. Чем человек живет, в чем разбирается, что имеет для него значение, то и определяет, на что оно будет направлено. Условно говоря, количество и качество замеченного зависит здесь не столько от силы внимания, сколько от культуры.

И вот вопрос: внимание вообще может быть разной силы?

Или же оно всегда просто есть, а то, что один замечает больше, чем другой, зависит вовсе не от силы внимания?

Поясню: вот сидят перед телевизором двое и смотрят футбол. Муж вдруг говорит жене: «Обратила внимание – их новый тренер приставил к нашему нападающему защитника? Понятно, почему он не забивает!» И чувствует, что жена его ничего не понимает в футболе!

А через некоторое время вдруг спрашивает она: «О, а ты обратил внимание, что сегодня у нашего нападающего нет обручального кольца? Вот он почему не забивает!» И чувствует, что муж ничего не понимает в жизни!

Внимание обоих было одинаково сильно, чтобы замечать тонкие детали. Но каждый смотрел на них сквозь особый инструмент, который доступен только ему. В самом обобщенном виде его можно назвать культурой. Но можно и смыслом

жизни, что будет оправданным уточнением.

Исходя из смысла своей жизни мы выстраиваем свои целеустройства, определяем жизненные ценности, развиваем способности, накапливаем знания. Именно это сочетание целей, ценностей, умений, знаний и способностей и превращается в те инструменты, которые позволяют одному видеть закулисные махинации политиков, а другим – тайные знаки, которые один гость подает жене другого. А значит, позволяют обращать внимание на что-то, что скрыто за явленным наружу.

Это орудие позволяет прозревать сквозь внешние слои защиты, сквозь лопоть, как называли ее мазыки, и видеть то, что действительно движет людьми и что они пытаются скрыть. Где это орудие находится?

Безусловно, в сознании человека. Иначе говоря, там, где хранится Образ мира и образы тех миров-сообществ, в которых человек избрал утверждаться и завоевывать достойное место. Именно ради этого места он и развивает свои способности, учась видеть скрытое, не допускать ошибок и побеждать.

Можно ли это считать мыслями?

В широком смысле, особенно когда точные понятия не имеют значения и ты небрежен в высказываниях, наверное, да. Я не берусь сейчас говорить о том, что необходимо различать мысли и думы; одни – как орудия мышления, а другие – разума. Но я вынужден показать: когда языковед или

психологи говорят про мысли, которые как-то для них связаны с вниманием, они говорят чрезвычайно общо. В эти их «мысли» может войти все, что угодно. Так сказать, мысль – это «все, что происходит в голове».

Иными словами, для лингвиста и психолога все «мысли» в данных определениях есть одноуровневые предметы, вполне сопоставимые между собою. Вероятно, они различаются лишь по содержанию, то есть по тому, о чем они. Их можно всячески тасовать, как карты или фишки, к примеру сосредоточивая.

И там точно нет и намека на различие образа мира, в котором просто собраны все знания человека о мире, мировоззрения, которое заставляет человека стремиться к какому-то месту в обществе, устройства сообщества, которое играет в футбол, делает политику или крутит любовь с чужими женами или мужьями. Там нет образов себя, образов вещей и образов действий.

Там всё, что есть, – мысли, и этого достаточно.

ТАМ не всё мысли. Что-то вообще думы, что-то – рассуждения. А что-то и мысли в том значении, в каком мазыки под мыслями понимали устоявшиеся образцы для поведения. Но пока мы все называем мыслями, то, что их можно сосредоточивать, воспринимается как само собой разумеющееся.

Но стоит нам войти в рассмотрение того, из чего же в действительности состоит сознание, как выявляется вся поверхностность такого подхода: как сосредоточить в некую еди-

ную точку образ мира, мечту из детства, главную ценность своего мировоззрения, и то, что дождь мешает бегать по траве? Особенно, если расстроен из-за того, что жена ушла к другому?

Если мы действительно хотим понять внимание, обобщенные и приблизительные объяснения не пройдут. Они даже не должны быть точными. Объяснения должны просто исходить из описания того, что действительно происходит в сознании. И даже застоявшаяся кафедральная лень не оправдывает психолога, который предпочел сократить свое сочинение, исключив из него лишние описания работы того устройства, которое он так ловко выкинул из рассмотрения, назвав мыслями.

Глава 9. Сосредоточение на мысли

Если лингвист или психолог определяет внимание как сосредоточение мысли или мыслей, то такому определению доверять нельзя. И не потому, что оно однозначно неверно. Я даже не могу судить, неверно ли оно. Возможно, где-то глубоко за слоями смыслов, которые вкладываются в понятия «внимание» и «мысль», вдруг обнаружится, что это определение имеет под собой какую-то действительность.

Но это в предполагаемой глубине, до которой еще идти и идти. А пока это определение говорит лишь о том, что ученый просто поленился и ограничился небрежным и поверхностным определением, в котором неясны все его составляющие. Тем не менее уже сейчас видна разница между определением Ожегова и определением Платонова и Голубева:

«Внимание – это такая организация психической деятельности, при которой определенные восприятия, представления, мысли или чувства сознаются отчетливее других, отходящих на второй план...» (Платонов. С.101).

Вот это совсем другое дело! После невнятного сосредоточения мыслей сосредоточение на мысли – качественный шаг к пониманию. Вот только беда, Платонов и Голубев вообще не говорят о сосредоточении; они, видимо, почуяли, что это коварное понятие, и заменили его на вполне научную и неуязвимую «организацию психической деятельности». Я

бы даже сказал, непробиваемую!

Вот я пытаюсь понять, что это такое, и чувствую, что все мое внимание направлено на организацию психической деятельности, благодаря которой мысли мои о ней осознаются отчетливее... Мысли осознаются. И правда, осознаются. Да. Мысли осознаются... Да. Яснее осознаются.

А где организация?! Почему я не чувствую никакого ее присутствия? Что это за тайное правительство России, которое ежесекундно организует психическую деятельность наших граждан, само оставаясь в тени?! Или в глубоком подполье?!

Почему, прекрасно видя разницу между теми «мыслями», которые мною осознаются, и теми, которые не осознаются, я совсем не могу нащупать организацию моей психической деятельности? Думаю, только потому, что не понимаю, о чем идет речь. И, боюсь, сами психологи тоже. Зато они прекрасно понимали, что таким способом уведут внимание читателей от собственно внимания.

Прочитав, что внимание есть организация психической деятельности, любой профан поймет, что дальше не его ума дело, и отстанет со своими дурацкими вопросами. Да и не профан, если взглянется в это определение, почувствует, что оно построено так, что внимание переводится на вторую часть высказывания, на ясность осознания.

Психическая организация – просто темное место, что-то вроде заплаты над неведомым или таблички с надписью:

в эту дверь не входить, за ней еще не построено здание. Иными словами, эта часть действительности еще не описана наукой.

Конечно, я сунусь в эту дверь, но чуть позже, когда у меня будет хоть какая-то ясность с искомым понятием внимания. Поэтому я пока оставляю психологов в их странном покое и вернусь к лингвистам. Мною еще недоразобраны примеры из Ожегова:

«Отнестись со вниманием. Привлечь чье-нибудь внимание. Принять во внимание. Уделить внимание кому-нибудь. В центре внимания. Оставить без внимания. Вниманию зрителей! (то есть зрители, обратите внимание)».

Отнестись со вниманием. Уф, как непросто! Точнее, так просто, что даже и сказать-то нечего! Мысль, как шарик для пинг-понга, ударяется о подобное высказывание и отлетает, бессильная. Потому и не рождается глубоких определений внимания у лингвистов и психологов.

И все же!

Если вспомнить исходное определение, то внимание – это сосредоточение мыслей или зрения, слуха на чем-нибудь. И что же в данном случае сосредоточивается на чем-нибудь?

Вообще-то, отнестись со вниманием можно либо к человеку, либо к сложной задаче, но, кажется, тоже связанной с людьми. Если задача будет без людей, например, минное поле или опасная дорога, то напутствуют словами «будь вни-

мателен!». Почему? Потому что там опасно!

Отнестись со вниманием не относится к опасности. Точнее, не относится к опасности телу. Хотя возможна опасность для твоего общественного положения. Допустим, врача просят отнестись со вниманием к какому-то пациенту. Почему? Он ведь и так должен относиться ко всем пациентам со вниманием. Потому что этот пациент особенный. Он как-то важен для того, кто просит.

Кто может просить? Либо начальство, либо кто-то со стороны пациента. И если вслушаться в высказывание, за этой просьбой всегда стоит какая-то угроза. Не очень явная и не очень страшная. Главврач не будет «заказывать» хирурга, который не выполнил его просьбу. Но он ухудшит к нему свое отношение.

Родственники, вероятно, тоже не будут его бить. Но скандал устроить могут. И тогда главврач снова ухудшит свое отношение. И даже подать в суд. Тут уж все очевидно. Впрочем, со стороны пациента могут быть возможности и покруче. И если просят не родственники, то небрежность может кончиться весьма плачевно.

Очевидно, что внимание является важнейшим средством не просто выживания, но и противодействия опасностям. И прямым, то есть опасностям для тела, и косвенным, то есть опасностям для личности как для своеобразного второго тела, в котором мы живем в мире-обществе.

Но что же такое внимание в таком случае? Есть ли оно

сосредоточение мыслей или зрения, слуха?

Если вдуматься, то, как только мы начинаем видеть внимание как орудие противодействия опасностям, все перечисленные части определения уместны в каком-то смысле. Иными словами, сколь бы слабы ни были определения, создаваемые учеными, за ними стоит их вполне бытовое понятие о внимании, и им неоткуда извлекать знания о том, что же оно такое.

В силу этого все определения внимания содержат в себе какие-то черты этого явления. Иначе говоря, они так или иначе верны. Но вот так или иначе – еще надо суметь рассмотреть.

Так что же верно в этом определении, если мы понимаем, что внимание включилось, как только в пространстве запахло опасностью?

Определенно, человек, и даже любое живое существо, сразу же включил зрение и слух, а точнее, все органы восприятия, которые позволяют ему выжить. Но вот беда, они никогда не выключаются. Даже во сне! И во сне все органы восприятия работают, только направлены в иное пространство.

И поэтому, когда человеку говорят: проснись, опасность! – ему говорят о том, в какое пространство или в какой мир надо направить восприятие. Вот и врача, которого просят отнестись со вниманием к пациенту, предупреждают, из какого мира к нему придет опасность. А придет она к нему из той двери, которой является пациент.

И что должен делать врач? А что-то совсем странное, если понять, что у него всего одна задача – держать эту дверь закрытой. Когда это понимаешь, все его хирургические или какие-то иные действия превращаются в весьма странный и, вероятно, магический танец, которым он изгоняет опасность из своего мира.

Причем, изгоняет он вполне мистическую опасность, так сказать, Опасность как таковую. А вот явит она себя, если не запечатать свой мир, во вполне привычном и понятном виде, скажем, пары бритых братков.

И опять попытка взглянуть во внимание приводит к потрясающей глубине этого понятия, по крайней мере, в русском языке. В предыдущих главах стало очевидно, что внимание позволяет прозревать сквозь все слои культуры, заглядывая в то, что правит нашими жизнями. Сейчас видно, что оно осмыслялось народов в глубокой древности, когда миром правила первобытная магия, имевшая задачей обереечь мир и жизнь.

Тот самый странный набор телодвижений, который можно назвать магическим танцем, мы исполняем постоянно. И суть его, как это называется в науке, апотропейная, то есть обережная, по-русски.

Но пока это все относится к органам восприятия, все очевидно. А что с сосредоточением мыслей при появлении опасности?

Похоже, никакого сосредоточения нет вообще. А есть пе-

реход с разных мыслей на одну определенную. И мысль эта в действительности вовсе не о пациенте или просителе, к которому попросили отнестись со вниманием.

Она о целеустройении. Она меняет мое целеустройство, делая из этого случая задачу, которую надо решить, чтобы жизнь осталась хорошей или даже стала лучше.

Я ставлю себе это целью или не ставлю. И если ставлю, то я «отнесусь к человеку со вниманием». А не поставлю — отнесусь к нему как ко всем. И буду наказан.

Если задача поставлена, она сама подберет все необходимые действия и слова. А значит, и мысли. И никакого сосредоточения! Совсем!

Есть задача, и она требует не сосредоточивать какие-то обильные мысли. Более того, это на войне, чем больше войско сосредоточишь на каком-то участке фронта, тем легче будет победить. В деле как раз наоборот, чем больше их согнать к этой точке, тем сильнее они помешают.

Если появилась опасность и ты принял для себя это как цель, то разум создаст задачу и подберет именно те «мысли», которые ее решат. Их будет и не много и не мало. А ровно столько, сколько нужно для решения. И они не будут ни сосредоточены, ни рассредоточены. Они будут именно теми, которые нужны.

Очевидно, что «сосредоточение» в данном случае показалось языковеду наиболее подходящим словом, чтобы обозначить то, что при направленности внимания на что-то

из числа заполняющих сознание мыслей отбрасываются все лишние и оставляются только необходимые.

Однако если мы взглядем, то делает это разум, определяя задачу. А вовсе не внимание!

Внимание лишь дает толчок для деятельности разума. Однако и это не так просто. А как внимание поняло, что я столкнулся с опасностью? Ведь ее надо было распознать! И распознать в данном случае как культурное явление, как нечто, что может распознать только тот, кто хорошо знает устройство общества.

Значит, сначала включился разум, распознал опасность и тут же направил на нее внимание? А внимание заставило его выполнить все необходимые действия, не упустив ничего важного для выживания?

Между разумом и вниманием определенно есть какая-то плотная связь, но пока она мне не по зубам.

Глава 10. Принять во внимание

У меня остались не разобраны еще несколько примеров из словаря Ожегова: «Привлечь чье-нибудь внимание. Принять во внимание. Уделить внимание кому-нибудь. В центре внимания. Оставить без внимания. Вниманию зрителей! (то есть зрители, обратите внимание)».

Часть примеров кажутся вполне очевидными, другие столь же очевидно непросты. Можно ли считать, что, когда говорят: привлечь чье-нибудь внимание, речь действительно идет о внимании? Как кажется, это бесспорно. Но попробую воссоздать те условия, к которым применимо это выражение.

Итак, речь, безусловно, не о каком-то безадресном выражении. Иначе говоря, в данном случае не говорится о том, чтобы привлечь хоть чье-то внимание, в данном случае рассказывается о попытках привлечь внимание вполне определенного человека. К примеру, ты стоишь в толпе, а мимо проходит колонна, в которой идет твой знакомый. И ты машешь руками, прыгаешь и кричишь, чтобы привлечь его внимание.

А на самом деле ты делаешь это все, чтобы он тебя увидел. То же самое, только гораздо более сдержанно, ты проделываешь в театре, когда замечаешь своего знакомого в ложе или на балконе. Кричать и прыгать нельзя, но можно смот-

реть на него и махать ему рукой. И опять же, задача – сделать так, чтобы он тебя увидел.

Другой случай: вы за общим столом, и человек говорит что-то такое, чем может по неведению ранить другого. И тут ты пинаешь его под столом, проливаешь вино или просишь передать тебе блюдо, чтобы он поглядел на тебя и понял те знаки, которые ты собираешься ему подал.

Определенно, что каждый раз мы используем внимание. Но столь же однозначно можно сказать, что мы используем необычное поведение, которое вызывает непроизвольное внимание. Внимание не является в данном случае нашей целью, и мы вовсе не собираемся привлекать внимание. Мы хотим лишь заставить его работать, чтобы с его помощью сделать нечто иное.

Иными словами, этот пример, безусловно, говорит о внимании. Но столь же безусловно он говорит о том, что внимание остается где-то в глубине, используемое, но совершенно непонятное. При таком обращении к вниманию мы подобны дикарям, которые уловили связь между кнопкой на стене и лампочкой под потолком. И потому считают, что умеют пользоваться электричеством...

Предполагаю, что и «вниманию зрителей!», то есть предложение зрителям обратить внимание на то, что сейчас будет сказано, тоже пример использования, но не определения внимания. Для того чтобы содержание объявления могло быть мною использовано, мне придется после восклица-

ния «вниманию зрителей!» какое-то время удерживать свое внимание на том, что дальше будет говориться. Иначе я не ухвачу содержания объявления и не смогу им воспользоваться.

Да, и в этом случае речь идет о внимании. Но действительный смысл этого восклицания: послушайте! И послушайте так, чтобы использовать услышанное. Послушайте и для этого включите внимание, а отнюдь не включите внимание и используйте его.

Иными словами, оба эти примера говорят о внимании, но опосредованно, как об условии какого-то иного действия. Поэтому понять из них, что такое внимание, не легче, чем из предложения хорошо пережевывать пищу, чтобы она лучше переваривалась, что такое пищеварение. И, кстати, очень возможно, что подобное бытовое использование понятия о внимании даже затрудняет понимание внимания, как и уверенность обывателя в том, что тщательное пережевывание пищи облегчает пищеварение, обманывает и не дает понять само пищеварение.

И все же это гораздо более ясные примеры по сравнению с «принять во внимание». Вот тут я понимаю, что не понимаю ничего. Имеет ли этот пример хоть какое-то отношение к вниманию? Или же речь, условно говоря, идет лишь о внимательном лице? А на самом деле требуется лишь выполнить какие-то действия, которые общество или кто-то заинтересованный ожидают от меня?

Что могут потребовать принять во внимание? Вероятно, какие-то обстоятельства или свидетельства, без которых не будет воссоздана полная картина происшествия, а значит, я не смогу произвести точное суждение и вынести верное решение. Просящий принять во внимание и даже требующий и приказывающий это каким-то образом зависит от моей способности составлять полноценную картину чего-то, а потом действовать на основе ее.

Даже преподаватель, требующий от студентов принять во внимание какой-то штрих, понимает, что на экзамене те студенты, которые этот штрих к своему ответу не добавляют, вынудят его поставить им плохие оценки. А ему этого не хочется, потому что он, как честный учитель, обязался дать им хорошее образование. И он снимает вину себя тем, что в нужном месте требует обратить внимание или принять во внимание то, что важно.

Но ведь в данном случае можно считать, что преподаватель требует просто запомнить. И это будет верно.

Однако, когда такое же требование высказывает на суде адвокат, он обращается не к памяти, а к образу мира, который объясняет, почему подзащитный совершал те или иные действия или не совершал их. Это не вопрос запоминания, хотя для вынесения суждения судья или присяжные, бесспорно, должны эту деталь запомнить. Но тут обращение не к памяти, а к разуму.

Без «принятия во внимание» они не смогут производить

суждения, то есть рассуждать здраво.

Точно так же и учащиеся, если не примут во внимание, к примеру, боковую скорость ветра, не смогут решить физическую задачу о том, как летит стрела. Решать задачи – это думать.

В итоге мы имеем выражение, которое описывает, как использовать внимание, чтобы заставить работать либо память, либо рассудок, либо разум. И похоже, это основное использование внимания. Непонятно только, причем тут внимание вообще! И особенно, как можно в него что-либо принимать?

Чтобы можно было принять во внимание что угодно, хоть образ, внимание должно быть неким пространством и обладать объемом.

Вот если речь идет о том, чтобы обратить внимание, – это привычно. И мы непроизвольно понимаем внимание как некий поток восприятия, то есть что-то вроде луча фонарика наоборот. То есть как луч, не изливающийся из источника света, а вбирающийся в него вместе с воспринятым.

Уже сам по себе образ вбирающегося, а не изливающегося луча, странен. Природа, кажется, не знает подобных примеров, хотя воображение запросто создает подобный образ. Очевидно, он из разряда тех сложных вещей вроде теории относительности, которые редко бывают доступны обитателям нашей планеты. Что не значит, что невозможны условия, в которых подобные лучи существуют. Возможно, это

происходит там, где время течет вспять.

Но это если речь идет о луче света. А мы говорим о восприятии, и тут физическая аналогия весьма сомнительна. Тем более что никакой луч из глаза, кажется, не исходит, хотя все знают, что временами наши глаза светятся, и это физика не объяснила. Тем не менее, физически глаз – это воспринимающая поверхность, составленная из множества рецепторов, которые не испускают, а наоборот, вбирают в себя свет, отраженный от предметов.

Что означает, что восприятие – это способность выводить суждения о предметах по тем отблескам, что от них отражаются. Но вот внимание описывается языком именно как некий луч, истекающий из глаз и остальных органов восприятия. Именно поэтому внимание можно обратить или направить на что-то. Действительное ли это описание явления, или же всего лишь иносказание, метафора, дающая лишь самую отдаленную опору для понимания действительного явления?

Как бы там ни было, как только приходит сомнение в том, что понимание внимания как некоего луча весьма сомнительно, становится приемлемым и то, что внимание можно рассматривать как некий пространственный объем, в который можно принимать нечто. Например соображения, обстоятельства, условия. В действительности же – образы и только образы!

И если это станет очевидным, то возникает следующее сомнение: а о внимании ли идет речь, когда мы предлагаем

принять во внимание? Образы существуют в той тонкоматериальной среде, которая называется сознанием. Но и в отношении сознания существует привычная культура понимания его как луча осознания. При этом те же самые люди, которые видят сознание как лампочку, которую можно выключить щелчком выключателя, не задумываясь говорят о содержаниях сознания, о его глубине, о величии образов, хранившихся в сознании художника!

Иными словами, очень похоже, что выражение «принять во внимание» оказалось порождено общим отсутствием некой культуры, относящейся и к сознанию, и к вниманию, и к разуму, и даже к уму. Наблюдая сознание, человек вдруг замечает признаки внимания и приписывает их сознанию. И наоборот. И это закрепляется в речи. Причем чаще всего в научной.

Вот и в данном случае, если вспомнить, что с помощью требования «принять во внимание» говоривший заставил слушающих проделать какие-то действия, которые и были его целью. Иначе говоря, обращение ко вниманию тут вовсе не непосредственное, то есть внимание отнюдь не является главной целью говорящего. Опосредованно через включение внимания он управляет либо памятью, либо разумом слушателей. И добивается своего с их помощью, а не с помощью внимания.

При таком видении происходящего объемность внимания кажется выражением, относящимся все же к сознанию. Ины-

ми словами, слушателям предлагается использовать внимание, чтобы принять некое обстоятельство в рассмотрение или рассуждение.

А поскольку рассматривать мы можем только некие образы, например представления, то они определенно пространственны и обладают объемом. Ведь в этих представлениях скрыт образ мира, а значит, глядя в них, человек видит этот мир как вполне определенное пространство, обладающее не просто объемом, а вмещающее в себя и всех участников события, и все обстоятельства!

Имя «внимание» в данном случае явно используется для обозначения некоего рабочего пространства сознания, которое, похоже, без волшебного ключика внимания не открывается и не впускает в себя. Не открывается не в том смысле, что оно как-то заперто, а в том, что если не приложить усилия, новое обстоятельство просто выпадет из осознаваемой части моего сознания и будет утеряно, то есть забыто на время рассуждения.

Чтобы обстоятельство было принято рассуждением и прилипло к нему, необходимо усилие, которое и дает внимание.

И если это так, то тут, возможно, речь идет о внимании не как о пространстве или объеме, а как о потоке, вроде того же луча света, состоящего из фотонов, в который можно поместить необходимые образы. И тогда этот луч прорвется сквозь оболочку представления или рассуждения и вложит в них дополнительное «обстоятельство», то есть допол-

нительный образ, как будто он естественная и живая часть уже имевшихся образов.

В таком случае принять во внимание – это принять в поток некой силы, которая питает нашу способность думать...

Быть может, и так. Но как это проверить?

Глава 11. Уделить внимание

Из примеров, найденных Ожеговым, остались только: «Уделить внимание кому-нибудь. В центре внимания».

Очевидно, что это разные грани русского понятия о внимании, что значит, в этих примерах отразилось разное понимание внимания, и в то же время эти два понимания дополнительны друг к другу. Что значит быть в центре внимания? Относится ли это к вниманию вообще?

Очень даже возможно, что человек, находящийся в центре внимания, вообще не присутствует там, где собрались те, кто поместил его в этот центр. «Вчера мы хорошо посидели всей нашей компашкой у Ивановых, и ты весь вечер был в центре нашего внимания!» Или: «Этот актер постоянно находится в центре внимания нашего журнала, а значит, и его читателей».

Но может оказаться и так, что внимание тут прямое и непосредственное: я вывалился из темноты прямо в освещенный зал и оказался в центре внимания всех собравшихся. Вот тут неожиданное появление человека, которого либо не ожидали, либо, наоборот, ожидали собравшиеся, действительно привлекло внимание всех. И именно наличие какого-то количества тех, кто направляет внимание, создает его «центр».

Несколько иное качество этот «центр» имеет в выражении

ях вроде «в тот день я, как и полагается имениннику, постоянно находился в центре внимания и детей, и взрослых». Тут очевидно, что дети и взрослые не держали меня постоянно посреди своей толпы, как некую точку, в которую было направлено их внимание. Но, празднуя, они постоянно делали что-то приятное для меня, а значит, они постоянно помнили обо мне и соотносили все происходящее с тем, как это должно отозваться в моей душе.

Очевидно, что для создания «центра» внимания необходимо несколько людей. И само это выражение не означает ничего, кроме некоего качества при оценке внимания. Причем это не качество самого внимания, поскольку от сложения нескольких вниманий никакого сложения не происходит, хотя наши психологи и изобрели понятие «коллективного внимания».

«Коллективное внимание» — это все же не внимание какого-то большого существа по имени «коллектив», а внимания всех тех людей, которые в этот коллектив входят. Впрочем, я имею в виду лишь те обычные состояния сознания, которые описываются исследователями «коллективного внимания», вроде внимания учеников в классе или зрителей в театре. Безусловно, если суметь добиться глубокого слияния сознаний, возможна речь не только об измененном состоянии сознания, но и об измененном состоянии или качестве внимания. Однако возможно ли это в действительности, еще надо исследовать.

Итак, выражение «центр внимания» есть лишь подсказка, что некие действия с вниманием делали одновременно несколько человек. Но что они делали? Что надо сделать с вниманием, чтобы кто-то оказался в его «центре»?

Похоже, именно уделить его.

Это значит, что никакого действительного «центра» у внимания нет. «Центр внимания» – это иносказание, показывающее в отношении внимания, что людей, которые его уделяют, несколько или много, то есть дающее количественную характеристику сообщества людей, в данный миг управляющих вниманием. Это с одной стороны. С другой, это выражение дает еще и пространственную характеристику этого сообщества: эти люди, условно говоря, собрались так, что образовался некий центр или фокус, в котором и собираются лучи их внимания.

Иными словами, «центр внимания» – это вообще не о внимании, а о людях, объединенных определенной деятельностью.

А о внимании только то, что и является этой деятельностью для каждого.

Что это за деятельность?

Очевидно, что когда я внезапно ввалился в комнату, где меня не ждали, у людей, если использовать классическое павловское выражение, принятое у психологов, сработал «ориентировочный рефлекс» – что такое? А если подумать об этом с точки зрения работы разума, то разум этих людей

непроизвольно перешел, так сказать, в режим обеспечения выживания и быстро проверил, опасно или не опасно то, что внезапно ворвалось в пространство восприятия.

Именно эту работу и проделывали люди с помощью внимания в том случае, когда «центр внимания» образовался непроизвольно. И внимание здесь, пожалуй, вовсе не уделялось. Оно перескакивало на новый раздражитель само, поскольку предполагалась угроза жизни. И столь же легко и естественно убежало от меня, как только людям стало понятно, что я тут человек случайный.

Но когда внимание уделяла мне на моем дне рождения мама, она, безусловно, делала это не из страха за жизнь. Она обо мне помнила и думала. Она хотела сделать мне приятно и поставила себе такую цель. А разум разложил ее на задачи: как сделать так, чтобы каждое маленькое событие, задуманное для моего дня рождения, включало в себя меня и делало мне приятно.

Мама была очень сильно поглощена решением этой задачи, и ее внимание «уделялось» мне мощным потоком и почти без усилий с ее стороны. Почти как то непроизвольное внимание, что пролили на меня напуганные моим внезапным появлением люди.

И точно то же самое, только в гораздо меньшем размере, делали остальные гости. Некоторые делали это осознанно и намеренно, решая ту же задачу, что и мама, – разыграть каждое событие так, чтобы мне было приятно. Другие забывали

обо мне и вспоминали лишь потому, что события строились так, чтобы именно я оказался в «центре внимания», что в данном случае означает, что событие и кто-то из людей приводили к тому, что все были вынуждены посмотреть на меня и даже что-то сделать.

Иными словами, вполне разумные действия вели к тому, что люди сначала вынуждались «обратить внимание» на кого-то определенного, а потом и «уделить ему внимание», что, с очевидностью, не одно и то же.

И это значит, что «уделить внимание» – это вовсе не направить его на кого-то, как это случается с теми, кто непроизвольно оказался в «центре внимания». И это даже не усилие, которым мы заставляем внимание направиться на то, что нам уже неинтересно. Уделить внимание – это сделать какие-то действия после того, как приложил усилие, чтобы внимание направить.

И мы, похоже, снова имеем иносказание: «уделить внимание» – это не выражение, говорящее о внимании. Точнее, внимание тут мелькает где-то в самом начале, когда ты делаешь усилие, чтобы обратить его на нужный предмет. А потом оно не нужно и может плавать где-то в глубинах твоего сознания, пока твои тело и личность делают ожидаемые дела.

Думаю, наиболее подходящий перевод для выражения «уделить внимание» – это «уделить время». Но и это выражение весьма непросто и не однослойно, поскольку никаким временем мы не владеем. Это следующий уровень иносказа-

ния, так сказать, иносказание в иносказании: уделить время – значит оторваться от того, чем бы ты хотел заниматься, и заставить себя сделать нечто для другого человека.

Почему и зачем – особые вопросы, которые сейчас не имеют значения. Кратко: потому что твое целеустроение предполагает, что если этого не сделать, твоя жизнь либо ухудшится, либо не улучшится.

Важнее, что «уделить внимание» – это «уделить время», а «уделить время» – это выделить часть сил для работы или услуги другому человеку. Что значит, сделать небольшую петлю на своем пути к той важной цели, ради которой строится твоя жизнь. Но если этого не сделать, то есть не свернуть с прямого пути, в конце которого видится сияющая вершина твоего счастья, то эта самая «прямая дорога жизни» внезапно окажется тупиком, поскольку люди усложняют твою жизнь.

Но это относится к тому, с помощью чего мы, а точнее наш разум, управляет вниманием. А что касается собственно внимания, то, похоже, оно в состоянии управлять силой, если не прямо перераспределяя ее, то уж точно создавая условия для перераспределения. При этом нельзя забывать, что это не просто какая-то физическая сила и не какая-нибудь мистическая сила – это сила жизни, этот тот самый жизненный порыв, о котором когда-то писал Анри Бергсон.

Мы все видим его бурлящим ключом, когда он бьет внутри наших детей. Но как-то теряем с годами и все чаще чув-

ствуем себя уставшими и лишенными сил. И никто не знает, как вернуть эту кипучую силу и охоту жить, хотя все мечтают о возвращении молодости и долголетия. Не через познание ли внимания достигается такая способность?

Глава 12. Направить внимание

Я разобрал языковые примеры использования слова «внимание», собранные Далем, Ушаковым и Ожеговым. Теперь я хотел бы понять те примеры, что приведены в «Словаре русского языка» под редакцией Евгеньевой. Ее определение кажется мне явно неудовлетворительным, но я уже разбирал его ранее. Поэтому сразу перейду к примерам.

Итак:

«Внимание. 1. Сосредоточенность мыслей или зрения, слуха на каком-либо объекте, направленность мысли на что-либо. Направить внимание на что-либо. Слушать со вниманием. Отвлечь внимание противника».

Мне кажется, в отличие от предшественников авторы этой статьи нашли действительные примеры именно внимания. Они, на мой взгляд, не очень соответствуют определению, но зато раскрывают сам предмет.

Направить внимание. Мы действительно умеем «направлять внимание». Это очень точно. Или вообще не имеет отношения к действительности, если окажется, что внимание – это совсем не то, что предполагается в этом определении. Одна из психологических теорий внимания предполагает, что его вообще нет. Что этим именем «внимание» обозначается нечто несуществующее, из-за чего, используя философский язык, происходит гипостазирование, то есть создание

несуществующей сущности.

А в действительности внимание – это лишь способ говорить о восприятии. И тогда вопрос оказывается в том, можно ли направлять восприятие? Это кажется очевидным. Мы вполне можем воспринимать нечто избирательно. Но именно это и есть внимание или восприятие со вниманием. Это значит, что сказать «направить внимание» – это все равно что дважды употребить одно и то же слово. Нечто вроде «направить направленное восприятие».

Если восприятие уже направленное, если оно идет со вниманием, то как его еще направлять? Высказывание оказывается безграмотным.

Впрочем, это только в том случае, если внимание действительно не существует. А это весьма сомнительно. И я надеюсь, что когда я доберусь до разбора подобных теорий, это станет вполне очевидным. В таком случае если внимание все же есть, кажется, что его вполне можно направлять, поскольку мы все постоянно делаем нечто подобное в жизни.

Однако вопрос остается. Если я не знаю, что такое внимание, я не могу и быть уверенным в том, что с ним можно делать. Действительно ли я направляю внимание, когда мне кажется, что я это делаю. Или же я с помощью внимания направляю восприятие? А оправданно ли и такое утверждение?

Способно ли внимание направлять восприятие? Или же это дело разума? А внимание занято совсем иными задача-

ми? Оно, безусловно, что-то делает с восприятием. Но что? Направляет его? А зачем? Зачем вниманию направлять восприятие? Если исходить из того, что делает восприятие, то, условно говоря – чтобы с его помощью поглядеть на что-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.